

Дейктические превербы адыгских языков и типология инверсива⁴¹

Цислокативный глагольный префикс в полисинтетических адыгских языках, помимо пространственного значения ‘по направлению к говорящему’, появляется при некоторых комбинациях личных показателей в многоместных глаголах, а именно там, где непрямой объект выше субъекта в иерархии $1 > 2 > 3$ proximate > 3 obviative. Несмотря на то, что это сближает использование адыгского цислокативного префикса с отмеченной в целом ряде языков категорией инверсива, в статье показывается, что «адыгский инверсив» весьма далёк от типологического «канона» этой категории. Во-первых, использование «инверсивного» префикса в адыгских языках избыточно, поскольку на соотношение между ролями и лицами актантов однозначно указывает позиция личных префиксов, во-вторых, «адыгский инверсив» нечувствителен к синтаксической переходности.

Ключевые слова: адыгские языки, инверсив, вершинное маркирование, лингвистическая типология.

The cislocative verbal prefix in the polysynthetic Circassian languages, besides its spatial use (‘hither’), can occur in certain person-role configurations of polyvalent verbs, i.e. when the indirect object outranks the subject on the person hierarchy $1 > 2 > 3$ proximate > 3 obviative. It is argued that while this makes the use of the Circassian cislocative similar to inverse markers of other languages, the “Circassian inverse” is highly non-canonical due, first, to its formal redundancy (the mapping between persons and roles in unambiguously signalled by the position of personal prefixes), and, second, to its non-occurrence in prototypical transitive constructions.

Keywords: Circassian languages, direct-inverse systems, participant indexing, linguistic typology.

1. Введение

Данная статья посвящена типологически нетривиальному употреблению дейктических глагольных префиксов (превербов) в адыгских языках, иллюстрируемому следующим примером из литературного кабардино-черкесского языка:

литературный кабардино-черкесский [Багов и др. 1970: 126]

(1) qə-v-e-de^we-n-š

⁴¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 17-18-01184. Я благодарю носителей адыгейского и кабардинского языков, а также участников конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2017» и редакторов сборника. Все ошибки на совести автора.

В примере (1) **цислокативный** преверб *qə-*, основное значение которого — направленность действия в сторону говорящего или дейктического центра, используется при сочетании 3 лица субъекта и 2 лица объекта двухвалентного непереходного глагола. В примерах вроде (1) направительный преверб используется не в своём прямом пространственном значении, но в зависимости от соотношения лиц и ролей актантов глагола. Такое употребление демонстрирует явные черты сходства с категорией **инверсива**, основной функцией которой является как раз кодирование соотношения ролевых и референциальных характеристик актантов ([Givón 1994; Zúñiga 2006; Jacques & Antonov 2014]). На сходство адыгского цислокатива с инверсивом было обращено внимание ещё в работе [Тестелец 1989].

Цель данной статьи состоит в том, чтобы оценить, в какой мере употребление адыгского дейктического преверба подходит под типологический прототип категории инверсива. Я покажу, что при всём несомненном сходстве контекстов употребления адыгского цислокатива и «канонического» инверсива, между ними наблюдаются расхождения столь существенные, что отождествлять эти два явления можно лишь с немалой натяжкой. В работе используется материал адыгейских и кабардинских идиомов, собранный автором в ходе лингвистических экспедиций РГГУ и НИУ ВШЭ в различные районы Республики Адыгея в 2011–2016 гг., данные текстов (помечены «txt»), описательных грамматик и специальных исследований. Примеры без указания источника получены автором методом элицитации.

Дальнейшая структура статьи такова. В разделе 2 я кратко опишу необходимые для понимания материала сведения о грамматике адыгских языков. Раздел 3 будет посвящён описанию релевантных употреблений дейктического префикса. В разделе 4 я перечислю признаки «канонического» инверсива по [Jacques & Antonov 2014] и оценю, в какой мере адыгская ситуация им соответствует.

2. Необходимые сведения об адыгских языках

Адыгские, или черкесские языки, — адыгейский и кабардино-черкесский (далее для краткости кабардинский) — составляют группу близкородственных диалектов с двумя литературными стандартами, входящую в западнокавказскую (абхазо-адыгскую) семью языков. Все языки этой семьи характеризуются развитым полисинтетизмом и морфологической эргативностью, см. [Кумахов 1971; Newitt 2005; Кумахов, Вамлинг 2006; Тестелец (ред.) 2009; Lander, Testelets 2017]. В дальнейшем нас будет интересовать лишь глагольная морфология.

В адыгском глаголе с помощью личных префиксов и показателей актантной деривации (каузатива и целого ряда аппликативов) морфологически

кодируются все основные участники ситуации, число которых ограничено, по-видимому, лишь оперативной памятью носителей. Кроме того, в глаголе выражаются многочисленные аспектуальные, темпоральные и модальные значения, отрицание и синтаксический статус предикации. Наконец, важное место в глагольной морфологии занимает кодирование пространственных значений (**глагольной ориентации**, [Плунгян 2002]), в частности, дейксиса. В таблице 1 приведена идеализированная схема устройства адыгской глагольной словоформы.

префиксы								корень		суффиксы				
зона актантной структуры					предосновные элементы			основа				окончания		
-10	-9	-8	-7	-6	-5	-4	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	+4
абсолютив	дейктический преверб	субординаторы	апликативные комплексы	дативный комплекс	эргатив	юссив	динамичность	отрицание	каузатив	корень	директивные суффиксы	аспект-время- модальность	множественное число	показатели синтаксического статуса

Таблица 1. Структура адыгской глагольной словоформы.

Для адыгских языков характерно последовательное морфологическое противопоставление переходных и непереходных глаголов, см. [Smeets 1992; Letuchiy 2013]. Все глаголы имеют абсолютивный актант, кодируемый личными префиксами абсолютивного ряда в начальной позиции в словоформе, ср. пример одновалентного глагола в (2). Абсолютив 3 лица не имеет выраженного показателя и в дальнейшем в глоссах не отмечается.

адыгейский, темиргоевский диалект

- (2) *sə-qe-kʷa-ʋ*
1SG.ABS-CSL-идти-PST
'Я пришёл.'

Переходные глаголы кодируют агентивного участника с помощью эргативного ряда префиксов в ближайшей к основе позиции, а пациентивного — с помощью абсолютивного ряда префиксов, ср. пример (3).

литературный адыгейский (txt)

- (3) *wə-z-ʋe-reze-nʔ*
2SG.ABS-1SG.ERG-CAUS-радоваться-POT
'Обрадую ли я тебя?'

Многовалентные глаголы могут быть и непереходными; обычно такие глаголы кодируют более агентивного участника в позиции абсолютива, а более пациентивного — в качестве непрямого объекта, вводимого либо одним их специализированных апликативов в позиции -7, либо так называемым дативным превербом в позиции -6, ср. пример (4). Непрямой объект 3 лица единственного числа имеет нулевой префикс.

литературный адыгейский (txt)

(4) $\delta^w\partial-q\partial-s-a-\dot{z}!$

\ 2PL.ABS-CSL-1SG.IO-DAT-ждать(IMP)

‘Подождите меня!’

Битранзитивные глаголы вроде ‘дать’ кодируют тему в позиции абсолютива, а реципиента в позиции непрямого объекта, ср. пример (5).

литературный адыгейский (txt)

(5) $j\partial z\partial n$ $q\partial-s-e-\delta^w-t-j\partial$

разрешение(ABS) CSL-1SG.IO-DAT-2PL.ERG-дать(IMP)-ADD

‘Дайте мне разрешение...’

В таблице 2 приводятся лично-числовые показатели рядов абсолютива, непрямого объекта и эргатива (А = адыгейский, К = кабардинский).

	Abs	IO	Erg
1Sg	$s\partial-$	$s- \sim z-$	
2Sg	$w\partial-$	$w- \sim p- \sim b-$	
3Sg	—	\emptyset	$j\partial- \sim \partial-$
1Pl	$A t\partial-, K d\partial-$	$t- \sim d-$	
2Pl	$A \delta^w\partial-, K f\partial-$	$A \delta^w- \sim \dot{z}^w-, K f- \sim v$	
3Pl	—	$a- \sim ja-$	

Таблица 2. Лично-числовые показатели

Как видно из таблицы 2, формальные различия между рядами лично-числовых префиксов невелики, так что кодирование ролей осуществляется в первую очередь их позицией в словоформе (см. таблицу 1). Кроме того, как показано в уже приведённых примерах, интересующий нас дейктический преверб $qV-$ занимает позицию непосредственно после абсолютивного префикса — либо начальную в словоформе при отсутствии такового в 3 лице.

3. Дейктический префикс и кодирование актантов

Исходное значение цислокативного префикса $qV-$ (гласный зависит о морфонологического окружения) — ‘движение к говорящему’, пример (6), естественно расширяющееся и на ситуации, не предполагающие реального перемещения, как в примере (7).

адыгейский, темиргоевский диалект

(6) а. $\dot{c}e!$

бежать(IMP)

‘Беги (отсюда)!’

б. $qa-\dot{c}e!$

CSL-бежать(IMP)

‘Беги сюда!’

(7) а. $p\lambda e!$

\ смотреть(IMP)

‘Посмотри (туда)!’

б.

$qa-p\lambda e!$

CSL-смотреть(IMP)

‘Посмотри (сюда)!’

Цислокативный преверб является одним из наиболее частотных грамматических показателей адыгских языков (так, в случайно выбранном тексте из корпуса спонтанных нарративов на бесленеевском диалекте кабардинского языка, собранных в ходе экспедиций 2011–2013 гг. в а. Уляп Красногвардейского района Республики Адыгея, на 120 словоформ приходится 7 вхождений цислокатива). Во многих случаях точное значение преверба установить сложно, имеется и целый ряд лексикализованных употреблений, синхронно никак не связанных с исходным, ср. [Рогава, Керашева 1966: 112–114; Кумахов (ред.) 2006: 260]. Наряду с этим цислокативный преверб является важным компонентом словоизменительной системы адыгских языков, принимая участие в выражении актантной структуры, см., например, [Кумахов 1971: 253–254; Кумахов, Вамлинг 2006: 67–71] и специально посвящённые этому исследования [Ломизе 2013; Кувшинова 2015].

Наряду с цислокативным превербом, в восточных диалектах кабардинского языка имеется и транслокативный преверб *ne-* со значением ‘движение от говорящего’ [Кумахов (ред.) 2006: 177–178, 260]. Он существенно менее продуктивен и за исключением ряда лексикализованных употреблений практически не используется ни в адыгейских диалектах, ни в исследованных мною западных диалектах кабардинского (бесленеевском и кубанском), поэтому в дальнейшем я не буду принимать его во внимание.

Для данной статьи интерес представляют употребления цислокативного преверба, иллюстрируемые примерами (1), (4) и (5) выше. Рассмотрим сначала случаи использования и неиспользования преверба при разных комбинациях лиц агенса и реципиента битранзитивных глаголов, в первую очередь ‘дать’. При агенсе 1 или 2 лица и реципиенте 3 лица преверб отсутствует, ср. (8a,b). Напротив, при агенсе 3 лица и реципиенте 1 или 2 лица преверб есть и, более того, обязателен, ср. (9a,b).

кабардинский, бесленеевский диалект (txt)

- (8) a. *zeč'e-m-jə kenfjet-xe-r ja-s-t-a.*
 все-OBL-ADD конфета-PL-ABS 3PL.IO-1SG.ERG-дать-PST
 ‘Я всем дала конфет.’

- b. *ja-ž'je-p-2e-ne-r se s-o-cəx''-rjə...*
 3PL.IO-PREF-DAT-2SG.ERG-сказать-FUT-ABS я 1SG.ERG-DYN-знать-ADD
 ‘Я знаю, что ты им скажешь...’

кабардинский, бесленеевский диалект (txt)

- (9) a. *i zeč'e-m-jə qə-d-jə-t-a zadanije-zəraz-xe-r*
 и весь-OBL-ADD CSL-1PL.IO-3SG.ERG-дать-PST задание-по.одному-PL-ABS
 ‘И он дал всем нам по одному заданию.’

- b. *xabze-m axš'e-ʔeʔw qə-w-jə-tə-nə-m-re...*
 государство-OBL деньги-чуть CSL-2SG.IO-3SG.ERG-дать-NML-OBL-CNV
 'и то, что государство даёт тебе немного денег...'

При агенсе 1 лица и реципиенте 2 лица цислокативный преверб допускается, но необязателен, ср. (10a,b); в восточнокабардинских диалектах в этом случае используется транслокативный преверб *ne-*, см. [Багов и др. 1970: 126]. При обратном соотношении лиц цислокативный преверб обязателен, ср. [Ломизе 2013: 219–220], (11).

- литературный адыгейский (txt)
 (10) а. *depqə-m-jə qə-pə-s-xə-nə-š qə-w-e-s-tə-n*
 стена-OBL-ADD CSL-LOC-1SG.ERG-взять-POT-CNV CSL-2SG.IO-DAT-1SG.ERG-дать-POT
 'Я сниму со стены и дам тебе.'

- b. *səd-fedjəz w-e-s-tə-me sə-b-we-χʷəž'ə-š't?*
 что-примерно 2SG.IO-DAT-1SG.ERG-дать-COND 1SG.ABS-2SG.ERG-CAUS-выздороветь-FUT
 'Что мне тебе дать, чтобы ты меня вылечил?'

- кабардинский, бесленевский диалект (txt)
 (11) *sət-xʷede fo mə qə-z-e-f-t-a-r?*
 что-похожий мёд этот CSL-1SG.IO-DAT-2PL.ERG-дать-PST-ABS
 'Что это за мёд вы мне дали?'

Когда и агенс, и реципиент 3 лица, появление преверба обусловлено соотношением их коммуникативных статусов: несколько упрощая, если реципиент более топикален, чем агенс, преверб скорее используется, а в обратном случае, напротив, скорее отсутствует, ср. минимальную пару в примерах (12a,b) и текстовый пример (13).

- кабардинский, бесленевский диалект [Ломизе 2013: 225]
 (12) а. *a-bə a-r ʕ'ele-gʷere-m r-jə-t-a.*
 тот-OBL тот-ABS парень-некий-OBL (3SG.IO)DAT-3SG.ERG-дать-PST
 'Он отдал это какому-то парню.'

- b. *a-bə a-r ʕ'ele-gʷere-m qə-r-jə-t-a.*
 тот-OBL тот-ABS парень-некий-OBL CSL-(3SG.IO)DAT-3SG.ERG-дать-PST
 'Ему это отдал какой-то парень.'

- литературный адыгейский (txt)
 (13) *werzemež'-ə sena-bže-r qə-zə-r-a-tə-m,*
 Орзмэдж-OBL вино-рог-ABS CSL-TEMP-(3SG.IO)DAT-3PL.ERG-дать-OBL
nart-me a-r-jə-ʔʷa-κ.
 нарт-OBL.PL 3PL.IO-DAT-3SG.ERG-сказать-PST
 'Когда ему дали рог, Орзмэдж сказал нартам.'

В первой клаузе примера (13), где реципиент — протагонист повествования герой Орзмэдж, а агенс — не упоминавшиеся в нескольких предшествующих клаузах нарты, цислокативный преверб используется, а в следующей клаузе, где протагонист является агенсом, а нарты — реципиентом, преверба нет. Подробнее о дискурсивных факторах, влияющих на употребление цислокативного преверба при актантах 3 лица, см. [Ломизе 2013: 224–229] и [Кувшинова 2015].

Аналогичны правила употребления цислокативного преверба при двухвалентных непереходных глаголах. При абсолютиве 1 лица и непрямом объекте 2 или 3 лица преверб обычно не используется, ср. (14а), (15а); напротив, преверб обязателен при абсолютиве 3 лица и непрямом объекте 1 или 2 лица, (15б), (16), равно как и при абсолютиве 2 лица и непрямом объекте 1 лица, (14б).

кабардинский, бесленеевский диалект (txt)

(14) а. *sə-b-de-ʔepəq^{wə}-ne-qəm*
1SG.ABS-2SG.IO-COM-помочь-FUT-NEG
'Я тебе не помогу.'

б. *wə-qə-z-de-ʔepəq^{wə}-n*
2SG.ABS-CSL-1SG.IO-COM-помочь-POT
'Ты мне можешь.'

(15) а. *d-a-d-ješ-u-š'ɪə-w-a*
2PL.ABS-3PL.IO-COM-играть-ADV-AUX-PST-PST
'Мы с ними играли [в игру].'

б. *qə-z-de-ʔapəq^{wə}-r-u*
(3.ABS)CSL-1SG.IO-COM-помочь-CNV-ADD
'мне помогли, и...'

литературный адыгейский (txt)

(16) *qə-w-a-žə-ze je-zeš'-jə...*
CSL-2SG.IO-DAT-ждать-CNV DAT-скучать-ADD
'Ей наскучило тебя ждать, и...'

При двух участниках 3 лица наблюдается вариативность, по крайней мере отчасти связанная с различием в коммуникативном статусе актантов. Так, в (17а) абсолютивный участник — не упоминавшаяся на протяжении длительного отрезка текста жена протагониста — менее активирована, чем не прямой объект, так что используется цислокативный преверб. Напротив, в (17б) при том же самом глаголе протагонист совпадает с абсолютивом, а не прямой объект — с деактивированным участником, и преверба нет.

литературный адыгейский (txt)

- (17) а. *werzemež'* *wəne-m* *qə-z-j-e-haž'ə-m*,
 Орзмэдж дом-OBL CSL-TEMP-LOC-DYN-вернуться-OBL
setenaje ***q-je-wəpčə-w.***
 Сэтэнай CSL-(3SG.IO)DAT-спросить-PST
 'Когда Орзмэдж вернулся домой, Сэтэнай спросила его.'

- б. *amdeχan* *jə-λəž* *č'erə-h-jə <...>* ***je-wəpčə-w.***
 Амдехан POSS-старик LOC-войти-ADD DAT-спросить-PST
 'Амдехан подошла к своему старику... и спросила его.'

Контексты употребления дислокативного преверба в полиперсональных глагольных формах можно обобщить следующим образом: преверб употребляется, когда не прямой объект выше субъекта (эргативного агенса переходного глагола либо абсолютива непереходного глагола) в иерархии лиц (18) [Silverstein 1976; Кибрик 1997], где прох (проксиматив) — более топиальный, а obv (обвиатив) — менее топиальный участник 3 лица. Более наглядно то же обобщение представлено в таблице 3.

- (18) 1 > 2 > 3прох > 3обv

объект субъект	1	2	3прох	3обv
1		±CSL	-CSL	-CSL
2	+CSL		-CSL	-CSL
3прох	+CSL	+CSL		-CSL
3обv	+CSL	+CSL	+CSL	

Таблица 3. Контексты употребления дислокативного преверба.

Такого рода распределение совпадает с ожидаемым от представителя категории инверсива (ср. [Jacques, Antonov 2014: 302, табл. 2], см. следующий раздел), однако внимательный читатель не может не задать вопроса о поведении дислокативного преверба при двухвалентных переходных глаголах с эргативным агенсом и абсолютивным пациенсом. Ответ на этот вопрос оказывается неожиданным: соотношение лиц актантов монотранзитивных глаголов никак не влияет на употребление дислокативного преверба. Это демонстрируют примеры (19) и (20), где преверб отсутствует при агенсе 3 лица и пациенсе 1 и 2 лица.

- кабардинский, бесленевский диалект (txt)
 (19) *s-jə-ɣape* *jə-wəbəd* *s-jə-š'e-rja...*
 1SG.PR-POSS-рука 3SG.ERG-поймать 1SG.ABS-3SG.ERG-вести-ADD
 'Схватив меня за руку, она меня повела...'

литературный адыгейский (txt)
 (20) xet-a we pačəh-ew wə-xe-zə-zə-ke-r?
 кто-Q ты царь-ADV 2SG.ABS-LOC-REL.ERG-бросать-PST-ABS
 ‘Кто тебя выбрал царем?’

Типологическая интерпретация этого и других фактов представлена в следующем разделе.

4. Типологическая перспектива

Учитывая отмеченное выше сходство дистрибуции адыгского циклокативного преверба с показателями категории инверсива, описанной для целого ряда языков разных семей и ареалов, см. [Comrie 1980; Тестелец 1989; Givón (ed.) 1994; Кибрик 1997; Zúñiga 2006, 2014; Zavala 2007; Jacques, Antonov 2014], в данном разделе я сопоставлю адыгский случай с прототипическими инверсивными категориями и продемонстрирую его типологическое своеобразие.

Начну с определения «канонического» инверсива, данного в работе [Jacques, Antonov 2014: 302–303] (полужирным выделены ключевые элементы определения):

(21) Канонической инверсивной категорией (canonical direct-inverse system) является система маркирования актантов **монотранзитивных** предикатов, обладающая следующими свойствами:

а. все личные показатели **нейтральны** относительно синтаксических ролей;

б. возникающая за счёт свойства (21а) **неоднозначность** ролевого кодирования разрешается с помощью **обязательных** взаимоисключающих показателей (**директива** и **инверсива**), распределение которых описывается таблицей 4, эквивалентной описанию в терминах личной иерархии (18);

с. инверсивные и директивные формы имеют одну и ту же диатезу и не различаются с точки зрения синтаксической переходности.

объект субъект	1	2	3prox	3obv
1		DIR	DIR	DIR
2	INV		DIR	DIR
3prox	INV	INV		DIR
3obv	INV	INV	INV	

Таблица 4. Каноническая директивно-инверсивная система.

Примерами канонической системы могут служить соответствующие категории в алгонкинских и цзянунских языках, ср. примеры (22а,б) из равнинного кри и (23а,б) из языка кэру (Japhug), где показатели директива и инверсива (в кэру выражен лишь инверсив) служат единственными индикаторами соответствия между лицами участников и их ролями, в то время как сами личные аффиксы кодируют лишь референциальные характеристики актантов.

равнинный кри < алгонкинские (Канада) [Zúñiga 2006: 76]

(22) а. *ni-sēkih-ā-w*
1-пугать-DIR-3
'Я пугаю его.'

б. *ni-sēkih-ikw-w*
1-пугать-INV-3
'Он пугает меня.'

кэру < цзяжунские < цянские < сино-тибетские (Китай) [Jacques 2010: 129]

(23) а. *pu-mtó-t-a*
AOR-видеть-PST-1SG
'Я видел его/её.'

б. *pu'-wu-mto-a*
AOR-INV-видеть-1SG
'Он(а) увидел(а) меня.'

Сопоставив приведённое в (21) определение и примеры (22) и (23) с описанным в разделе 3 поведением адыгского циклокативного преверба, легко убедиться в том, что «адыгский инверсив» соответствует типологическому прототипу лишь в пункте (21с). В остальном же адыгская ситуация явно очень сильно отклоняется от канонического случая.

Во-первых, как уже было сказано, циклокативный преверб в адыгских языках систематически (и в целом ряде случаев обязательно) появляется при инверсивном соотношении лиц и ролей **непрямого** объекта и **субъекта** — либо агенса битранзитивного глагола, либо абсолютива двухместного переходного. Напротив, именно в той области, где функционирует канонический инверсив — кодирование агенса и пациенса переходного глагола, — адыгский циклокативный преверб необязателен и как правило не используется. Стоит отметить, что чувствительность инверсива к соотношению лиц агенса и реципиента битранзитивных глаголов встречается в языках с каноническим инверсивом [Malchukov et al. 2010: 44–45], однако обычно в таких языках реципиент кодируется так же, как пациенс монотранзитивных глаголов. Это иллюстрируют следующие примеры из языка итонама, где инверсивный префикс появляется и тогда, когда кодируемый личным префиксом участник — пациенс монотранзитивного глагола (24а), и тогда, когда это — реципиент битранзитивного глагола (24б).

итонама, изолят (Боливия), [Crevels 2010: 685, 693]

(24) а. *sih-k'i-ma-doh-ne* *upa'u*
1PL.EX-INV-рука-кусать-ASP собака
'Собака укусила нас в руку.'

- b. *wase 'wasih-k'i-maki* *pilata*
 вчера 1PL.EX-INV-дать серебро
 'Вчера они дали нам денег.'

Такая система кодирования, именуемая **секундативной** [Malchukov et al. 2010: 3–4], ориентируется на грамматическую роль так называемого «первичного объекта» [Dryer 1986], объединяющую пациенса и реципиента в противоположность битранзитивной теме, и широко представлена в глагольном вершинном маркировании [Haspelmath 2005]. Очевидно, однако, что ситуация в адыгских языках принципиально иная: в них кодирование ролей в битранзитивных конструкциях является **индирективным**, т.е. ориентировано на грамматическую роль непрямого объекта, чётко противопоставленную роли абсолютива. Более того, в ряде языков, где канонический инверсив сочетается с индирективным кодированием реципиента и темы, например, в кэру [Jacques 2010: 144–145], он нечувствителен к соотношению лиц агенса и непрямого объекта.

Во-вторых, для адыгских и вообще западнокавказских языков не выполняется пункт (21а) определения инверсива, связанный с ролевой нейтральностью личных показателей и вытекающей из него **дискриминаторной** функцией маркеров инверсива и директива. В адыгских языках роли актантов однозначно кодируются позицией и отчасти формой лично-числовых префиксов, так что за исключением случаев с актантами 3 лица соответствие между референциальными и ролевыми характеристиками можно установить и без помощи каких-либо дополнительных аффиксов. Тем самым, адыгский дислокативный преверб является **избыточным**, в отличие от показателей инверсива алгонкинских и других языков с канонической директивно-инверсивной системой.

Избыточность адыгского дислокатива проявляется и в том, что наряду с описанными выше контекстами обязательного употребления имеется целый ряд случаев, когда при тех же сочетаниях ролей и лиц актантов преверб факультативен либо вообще избегается. Сюда относятся глаголы с префиксом бенефактива (по крайней мере, в собственно бенефактивном значении; о функциях адыгского бенефактива см. [Летучий 2009а]), ср. (25а,б) где при одном и том же глаголе и одной и той же комбинации лиц участников дислокативный преверб в одном случае используется, а в другом — нет.

кабардинский, бесленевский диалект (txt)

- (25) а. *fwe-č'e* *qə-s-x"e-f-šə-ž'!*
 мёд–новый CSL-1SG.IO-BEN-2PL.ERG-делать-RE(IMP)
 'Сделайте мне новый мёд!'

- б. *kaše* *s-x"e-p-šə-ne.*
 каша 1SG.IO-BEN-2SG.ERG-делать-FUT
 'Ты приготовишь мне кашу.'

Также факультативен цислокативный преверб и при каузативах от переходных глаголов, которые с точки зрения кодирования ролей идентичны битранзитивным глаголам, но синтаксически от них отличаются, см. [Летучий 2009б], ср. (26a,b).

литературный адыгейский (txt)

(26) а. *zə-par-jə* *w-jə-tə-ve-lex^wə-ž^ʔ-ew*
 один-ничто-ADD 2SG.IO-3SG.ERG-NEG-CAUS-видеть-RE-ADV
 ‘не давая тебе ничего видеть’

б. *v^weg^wə-terez* *qə-t-jə-ve-lex^wə-v-ew*
 дорога–верный CSL-1PL.IO-3SG.ERG-CAUS-видеть-PST-ADV
 ‘указав нам верную дорогу’

Наконец, отмечу ещё одну немаловажную черту, которая, при всех отличиях, роднит «адыгский инверсив» с каноническим случаем, а именно, развитие инверсивной функции из значения пространственного дейксиса. Происхождение канонических инверсивных маркеров из цислокативных показателей отмечено в целом ряде языков [Jacques, Antonov 2014: 312–313]. Так, в сино-тибетском языке тангса один и тот же показатель с переходными глаголами движения указывает на направление в сторону говорящего, (27a), а с переходными глаголами функционирует как инверсив, (27b).

тангса, диалект хакхун < куки-чин < сино-тибетские (Индия) [Вого 2017: 342, 76]

(27) а. *dʒ^ʔa kəmi* *i-t^hʒ^ʔ* *nʒ^ʔ* *mi^ʔ*
 однако я-над LOC человек
mʒ^ʔ-t^hə *a-dūŋ* *vʒ^ʔ* *r-a*
 CLF-один NML-большой придти CSL.NPST-3
 ‘Однако придёт человек больше меня.’

б. *ɲà a-zùŋ* *rì* *r-ʒ* *i-phù* *kəme^ʔ a*
 я NML-гнать AUX INV.NPST-1SG 1SG-старший.брат ERG PTC
 ‘Меня прогонит мой старший брат.’

Хотя конкретные механизмы, приводящие к подобному развитию показателей дейктической ориентации, во-первых, недостаточно изучены, и, во-вторых, в разных языках очевидно различны, сам по себе такой диахронический сценарий представляется вполне естественным. Более того, в случае адыгских языков он хорошо объясняет именно «пристрастие» адыгского цислокатива к непрямым объектам — ведь как раз в случае предикатов вроде ‘давать’ или ‘смотреть’ перенос от пространственного дейксиса к (избыточному) маркированию лично-ролевых конфигураций происходит проще всего.

5. Заключение

Итак, цислокативный преверб адыгских языков демонстрирует как нетривиальные сходства с каноническими случаями категории инверсива, так и столь же существенные отличия от них. Сходства заключаются прежде

всего в факторах, влияющих на употребление цислокатива в зависимости от соотношения лиц и ролей актантов многоместных предикатов, а также в общности диахронического развития. Отличия же состоят в том, что, во-первых, адыгский цислокативный преверб избыточен и не служит разрешению неоднозначности соотношения ролевых и референциальных характеристик актантов, и, во-вторых, основным «контролёром» его употребления служит грамматическая роль непрямого объекта, в то время как в собственно переходных глаголах цислокатив в «инверсивной» функции систематически не используется.

Чувствительность «адыгского инверсива» к соотношению лиц непрямого объекта и агенса битранзитивного глагола (А) и абсолютива непереходного (S) весьма нетривиальна в свете свойственной западнокавказским языкам последовательной морфологической эргативности. Действительно, в данном случае «инверсив» ведёт себя по номинативно-аккузативной модели, объединяя роли S и А в единую «гиперроль» субъекта; это, впрочем, не единственная такая конструкция в адыгских языках, см. подробнее [Letuchiy 2012].

Тем самым, свойства адыгского цислокативного преверба делают его чрезвычайно нетипичным примером инверсива — если адыгский случай вообще правомерно рассматривать в рамках данной категории. Вопрос этот не является чисто терминологическим, поскольку упирается в оценку относительной значимости сходств и различий конкретноразговорной категории и типологического прототипа, — проблемы, не имеющей в современной лингвистической теории удовлетворительного решения.

Сокращения

ABS — абсолютив; ADD — аддитивность; ADV — адвербиализатор; AOR — аорист; ASP — аспект; AUX — вспомогательный глагол; BEN — бенефактив; CAUS — каузатив; CLF — классификатор; CNV — конверб; COM — комитатив; COND — кондиционал; CSL — цислокатив; DAT — дативный преверб; DCL — декларатив; DIR — директив; DYN — динамичность; ERG — эргатив; EX — эксклюзивность; FUT — будущее время; IMP — императив; INV — инверсив; IO — не прямой объект; LOC — локатив; NEG — отрицание; NML — номинализация; NPST — непрошедшее время; OBL — косвенный падеж; PL — множественное число; POSS — посессивность; POT — потенциалис; PR — посессор; PEF — префикс; PST — прошедшее время; PTC — частица; Q — вопросительность; RE — рефактив; REL — релятивизация; SG — единственное число; TEMP — темпоральное подчинение.

Литература

Багов и др. 1970 — Багов П.М., Балкаров Б.Х., Куашева Т.Х., Кумахов М.А., Рогава Г.В. Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. Часть I. Фонетика и морфология. М.: «Наука», 1970.

Кибрик 1997 — Кибрик А.Е. Иерархии, роли, нули, маркированность и «аномальная» упаковка грамматической семантики // Вопросы языкознания. 2017. № 4. С. 27–57.

Кувшинова 2015 — Кувшинова Е.В. Директивный преверб в «инверсивной функции» в бжедугском диалекте адыгейского языка // Полевые исследования студентов РГГУ. Этнология, фольклористика, лингвистика. Вып. X. М.: РГГУ, 2011. С. 202–220.

Кумахов 1971 — Кумахов М.А. Словоизменение адыгских языков. М.: Наука, 1971.

Кумахов (ред.) 2006 — Кабардино-черкесский язык. Т. I. Создание письменности, фонетика и фонология, морфология, синтаксис / Отв. ред. М.А. Кумахов. Нальчик: Эль-Фа, 2006.

Кумахов, Вамлинг 2006 — Кумахов М.А., К. Вамлинг. Эргативность в черкесских языках. Malmö: IMER, 2006.

Летучий 2009a — Летучий А.Б. Аффиксы бенефактива и малефактива: синтаксические особенности и круг употреблений // Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка / Отв. ред. Я.Г. Тестелец. М.: РГГУ, 2009. С. 329–371.

Летучий 2009b — Летучий А.Б. Каузатив, декаузатив и лабильность. // Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка / Отв. ред. Я.Г. Тестелец. М.: РГГУ, 2009. С. 372–428.

Ломизе 2013 — Ломизе Г.Е. Инверсив в уляпском говоре кабардино-черкесского языка // Полевые исследования студентов РГГУ. Этнология, фольклористика, лингвистика, религиоведение. Выпуск VIII. М.: РГГУ, 2013. С. 210–233.

Плунгян 2002 — Плунгян В.А. О специфике выражения именных пространственных характеристик в глаголе: категория глагольной ориентации // Исследования по теории грамматики. Т. 2. Грамматикализация пространственных значений / Отв. ред. В.А. Плунгян. М.: Русские словари, 2002. С. 57–98.

Рogaва, Керашева 1966 — Рogaва Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар, Майкоп: Краснодарское книжное издательство, 1966.

Тестелец 1989 — Тестелец Я.Г. Категория инверсива: определение и опыт типологии // Проблемы семантической и синтаксической типологии. М.: Наука, 1989. С. 135–146.

Тестелец (ред.) 2009 — Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка / Отв. ред. Я.Г. Тестелец. М.: РГГУ, 2009.

Boro 2017 — Boro K. A Grammar of Nakhun Tangsa. Ph.D dis. University of Oregon, 2017.

Comrie 1980 — Comrie B. Inverse verb forms in Siberia: Evidence from Chukchee, Koryak and Kamchadal. In: *Folia Linguistica Historica*. 1980. Vol. I. No. 1. Pp. 61–74.

Crevels 2010 — Crevels M. Ditransitives in Itonama. In: *Studies in Ditransitive Constructions. A Comparative Handbook*. A. Malchukov, M. Haspelmath, B. Comrie (eds.). Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2010. Pp. 678–709.

- Dryer 1986 — Dryer M. Primary objects, secondary objects, and antitativity. In: *Language*. 1986. Vol. 62. No. 4. Pp. 808–845.
- Givón 1994 — Givón T. The pragmatics of de-transitive voice: Functional and typological aspects of inversion. In: *Voice and Inversion*. Givón T. (ed.). Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1994. Pp. 3–44.
- Givón ed. 1994 — *Voice and Inversion*. Givón T. (ed.). Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1994.
- Haspelmath 2005 — Haspelmath M. Argument marking in ditransitive alignment types. In: *Linguistic Discovery*. 2005. Vol. 3. No. 1. Pp. 1–21.
- Hewitt 2005 — Hewitt B.G. North West Caucasian. In: *Lingua*. 2005. Vol. 119. Pp. 91–145.
- Jacques 2010 — Jacques G. The inverse in Japhug Rgyalrong. In: *Language and Linguistics*. 2010. Vol. 11. No. 1. Pp. 127–157.
- Jacques, Antonov 2014 — Jacques G., Antonov A. Direct-inverse systems. In: *Language and Linguistics Compass*. 2014. Vol. 8. Pp. 301–318.
- Lander, Testelets 2017 — Lander Yu.A., Testelets Ya.G. Adyghe. In: *The Oxford Handbook of Polysynthesis*. M. Fortescue, M. Mithun, N. Evans (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2017. Pp. 948–970.
- Letuchiy 2012 — Letuchiy A.B. Ergativity in the Adyghe system of valency-changing derivations. In: *Ergativity, Valency and Voice*. G. Authier, K. Haude (eds.). Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2012. Pp. 323–354.
- Letuchiy 2013 — Letuchiy A.B. Verb classes in Adyghe: derivational vs. nonderivational criteria. In: *Linguistics*. 2013. Vol. 51. No. 4. Pp. 729–766.
- Malchukov et al. 2010 — Malchukov A., Comrie B., Haspelmath M. Ditransitive constructions: An overview. In: *Studies in Ditransitive Constructions. A Comparative Handbook*. A. Malchukov, M. Haspelmath, B. Comrie (eds.), Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2010. Pp. 1–64.
- Silverstein 1976 — Silverstein M. Hierarchy of features and ergativity. In: *Grammatical Categories in Australian Languages*. R. M. W. Dixon (ed.). Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, 1976. Pp. 112–171.
- Smeets 1992 — Smeets R. On valencies, actants and actant coding in Circassian. In: *Caucasian Perspectives*. B. G. Hewitt (ed.). München, Newcastle: LINCOM Europa, 1992. Pp. 98–144.
- Zavala 2007 — Zavala R. Inversion and obviation in Mesoamerica. In: *Endangered Languages*. P.K. Austin, A. Simpson (eds.). Hamburg: Buske, 2007. Pp. 267–306.
- Zúñiga 2006 — Zúñiga F. Deixis and Alignment: Inverse Systems in Indigenous Languages of the Americas. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2006.
- Zúñiga 2014 — Zúñiga F. Inversion, obviation, and animacy in native languages of the Americas: Elements for a cross-linguistic survey. In: *Anthropological Linguistics*. 2014. Vol. 56. Nos. 3–4. Pp. 1–22.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
ИМ. А.С. ПУШКИНА

ММ

ТИПОЛОГИЯ МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ

*Материалы
международной конференции
Вып. 4*

Москва
2017

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. А. С. ПУШКИНА

Типология морфосинтаксических параметров

**Материалы международной
конференции**

Вып. 4

Москва
2017

УДК 81.44

ББК 81.2

Т 43

*Рекомендовано к изданию Ученым советом Института
языкознания РАН и редакционно-издательским советом
Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина
Протокол № 4 от 24 января 2018 г.*

Рецензенты:

*С.Г. Татевосов, д-р филол. наук, проф. МГУ им. М.В.Ломоносова
О.И. Беляев, канд. филол. наук, МГУ им. М.В.Ломоносова, Инсти-
тут языкознания РАН*

Т 43 Типология морфосинтаксических параметров. Вып. 4. Материалы между-
народной конференции «Типология морфосинтаксических параметров
2017». / Под ред. Е.А. Лютиковой и А.В. Циммерлинга. М.: Гос. ИРЯ
им. А. С. Пушкина, 2017. 287 с.

ISBN 978-5-98269-179-8

Вып. 4 серии тематических публикаций «Типология морфосин-
таксических параметров» посвящен проблемам грамматической
семантики и процедуре семантического анализа в параметрической
типологии. Статьи выпуска сгруппированы в три тематических раз-
дела, посвященные проблемам формальной русистики, параметри-
ческому описанию грамматических систем языков мира и анализу
коммуникативно-грамматического интерфейса.

Vol. 4 in the thematic series “Typology of morphosyntactic parameters”
concerns the problems of grammatical semantics and the implementation
of semantic methods in parametric typology. The papers are grouped
into three sections: a) issues in formal Russian linguistics; b) parametric
descriptions of grammatical systems in various world’s languages; and
c) information structure-to-grammar interface.

УДК 81.44

ББК 81.2

ISBN 978-5-98269-179-8

© Государственный институт русского
языка им. А. С. Пушкина, 2018